

из главы
ЦЕЛИНА
1

Когда никакого решения нет, то оно обязательно находится. Нашли его в конце концов и в райкоме, и оно оказалось по-своему гениальным. Раз нельзя перенести полигон, значит надо перебазировать колхоз в другое место, за пределы радиационной опасности. Мало этого, расформировать его к чертовой матери и переподчинить, влить в другой, укрупнить за счет него какое-нибудь иное хозяйство. Заодно и Рукавишников – тю-тю... Уйдет к кому-то замом, а зам – это тебе не избираемая единица, а назначаемая. Сегодня ты зам, а завтра получи по зубам! На радостях в райкоме даже банкет закатали по подходящему поводу, взятому из отрывного календаря.

Обком инициативу поддержал и даже возглавил. Предложение пошло дальше «наверх». Все лето, пока колхоз «Степной» косил травы, заготавливал корма, пас овец и доил коров, в высоких инстанциях шла проработка вопроса, которая завершилась осенью 1956-го года в форме соответствующего постановления правительства – одного из многих других постановлений, касающихся объединения мелких хозяйств в более крупные с целью создания мощных сельскохозяйственных комплексов.

Рукавишников по большому счету победил, но в личном плане проиграл, больно поплатившись за свой скандальный спектакль. Впрочем, чего-то подобного он ожидал, так как знал, что Партия выходку его не простит и когда-нибудь так или иначе все равно жестоко отомстит.

«За что боролся, на то и напоролся!» – злорадствовали райкомовские подлецы.

Тот осенний день запомнился многим местным жителям навсегда. Люди, не привыкшие к депортациям, восприняли произошедшее как катастрофу. Уже имеющие опыт насильственного переселения ужаснулись еще больше. Они-то знали, с какими адскими событиями такие депортации сопряжены. Однако, даже технологии ада имеют свои градации. Опыт нового переселения показал «степным» немцам, что депортации тоже бывают разные. На сей раз массовое переселение оказалась легче прежнего, слава Богу. Мать Аугуста, Амалия Петровна – та вообще обрадовалась, узнав, что колхоз переносит на север, в Павлодарскую область... все ближе к Волге! А Аугусту было жаль своего «немецкого домика», ведь он в нем уже прижился...

То был ненастный октябрьский день, и на мокрых проводах перед правлением сидели мокрые вороны и склочно переругивались. Только что очередным атомным ударом содрогнуло столбы электропередач и тряхнуло провода, всполошив птиц. Хотя вороны петушились зря, эффект удара был относительно слабым, недостойным внимания опытных пользователей. Знатки вроде Аугуста легко определили, что то был подземный подрыв. Возможно, в районе одного из «опытных полей» было создано очередное «атомное озеро». Аугуст видел уже несколько таких в степи с рыбами и утками, успевшими их заселить. Дело в том, что военному атому изобретательные политики придумали народохозяйственное применение, а именно создавать в пустынных районах земного шара с помощью атомных бомб глубокие водоемы и преобразовывать таким образом лицо земли, превращая безжизненные пространства в цветущие оазисы. Особенно обрадоваться таким технологиям должны были, по расчетам изобретателей способа, пролетарские братья СССР из засушливых африканских стран, а также и свои собственные народы, населяющие среднюю Азию, у которых вечно плохо с водой. У этой инициативы были, конечно, и противники, как и у любой инициативы на белом свете. Одни из них утверждали, что вода отсосется в «атомные озера» из всех соседних недр, и водоснабжение нарушится в широком радиусе вокруг. Другие опасались, что через разлом вместо воды хлынет раскаленная лава из центра земли и зальет местность. Третьи утверждали, что в такой радиоактивной воде из тритонов мутируют динозавры и вылезут на землю, и все пожрут, а что не пожрут, то потопчут. Разные были мнения. Но что бы ни говорили скептики, а метод создания огромных водоемов с помощью одного-единственного атомного взрыва работал, и Аугуст собственными глазами видел такие бездонные «атомные озера». Птицы гнездились вокруг них, и сазаны в них плескались, и уже – глядь – браконьеры с фонариками суетились по ночам вдоль геометрически плавных берегов. Жизнь действительно быстро преобразовывалась вокруг этих гиблых в прошлом мест, где ранее одни лишь никому не нужные суслики пересвистывались грустно, да песчаные тушканы рыли себе норы, следуя бессмысленному инстинкту спасения от одинокого коршуна, чтобы расплодиться под землей и преумножиться – неизвестно зачем, безо всякой пользы для царя природы и главного зверя - человека. Умного зверя. Ибо отныне «атомные озера» и их окрестности были населены общественно-полезными животными и окружены пионерскими лагерями, наполненными детским смехом, красными галстуками и песнями про синие ночи. Так придумала коммунистическая Партия – главная придумщица всех времен и народов!

Так вот... в тот ненастный октябрьский день, когда после подземного атомного взрыва вороны злобно каркали на проводах, к колхозному клубу подкатили сразу три легковые машины с представителями районной власти, в том числе с военным комиссаром на красном звездом зеленом «козле». Жители «Степного» были уже все в клубе, их еще с вечера предупредили: «Явка для всех обязательна». Настроение у народа было плохое уже заранее, так как все понимали, что речь пойдет не о подведении итогов соцсоревнования, а о чем-то еще похуже. Ходили слухи, что теперь, когда побочное действие радиации на человека изучено, Партии интересно узнать что произойдет при прямом контакте атомной бомбы с населением. Поэтому следующую бомбу кинут на поселок «Степной», дескать, будет вместо Америки. Некоторые идеалисты предполагали, что на собрании как раз и будут ставить этот вопрос на всенародное голосование. Другие же, реалисты, сомневались: «Как же, спросят нас, ага...», но допускали, что бомбу бросят только на скот и на добровольцев – коммунистов и комсомольцев. Но все это были всего лишь глупые слухи в духе Серпушонка, хотя до виртуозного уровня Серпушонка они все равно не дотягивали. Поэтому слухи зарождались и умирали, как грязные пузыри в луже под дождем, оставляя после себя в душах людей муть и плохие предчувствия.

Президиум едва уместил всех высоких гостей из района и области. Рукавишников на подиум вообще не позвали. Специально оказали ему всенародное унижение, чем сразу настроили против себя всех жителей «Степного». Однако, высокопоставленным гостям именно сегодня на это обстоятельство было наплевать. У них в головах были другие затеи, а в руках – сплошные козыри в виде указов и постановлений. Они сегодня пришли сюда победителями. Банковал, конечно же, новый первый секретарь райкома – официальное лицо местной власти. Тот долго не мялся – объявил в лоб, с присущей Партии прямоотой:

– Товарищи, с учетом открывшихся научных и медицинских обстоятельств, ответственной комиссией министерства здравоохранения сделано заключение о невозможности проживания людей и домашних животных в зонах, прилегающих к районам испытания современных изделий оборонного назначения, каковым является, в частности, и поселок «Степной». В связи с этим на уровне Правительства принято решение и подписан Указ об эвакуации вашего поселка, равно как и еще десятка таких же, в другие, более безопасные места. Земли вашего хозяйства будут переданы под юрисдикцию министерства обороны и за счет них будет расширен ареал испытательного поля. Что касается колхоза «Степной», то он считается с сегодняшнего дня расформированным на основании решения Правительства. Для этого, как вы понимаете, вашего общего голосования не требуется. Партия и Правительство – для вашей же пользы – проголосовали за вас. Считайте, что это – большая честь для вас всех. Ваше хозяйство ликвидировано, однако, в качестве производственного потенциала оно не исчезнет, а будет влиито в состав зерносовхоза «Озерный» Павлодарской области и станет животноводческим подразделением «Озерного». Так что все вы, здесь присутствующие, дружной семьей, как и прежде, будете трудиться дальше, единым коллективом, все вместе, на благо нашей великой социалистической Родины. С этой большой победой я вас от всей души и поздравляю, – и первый секретарь, поддержанный членами президиума, захлопал сам себе.

Народ, однако, ничего не понял. Как это эвакуироваться? Как это – взять и колхоз перенести? Ничего себе – цирк! Это как? Корова наперегонки с силосной башней в «Озерный» побежит? А луну нашу тоже перевесите в Павлодарскую область? Ничего себе перенести! А школа? А овчарни? А дома? А сарай? А колодцы? А фермы?

Шум нарастал и скоро перешел в сплошной рев, в котором одновременно выкрикиваемые вопросы тонули в воплях типа: «Никуда я не поеду!» и «Желаю в родном доме подохнуть, а вы там хоть тыщу лет в Павлодаре вашем дальше живите!».

Поднялся с места районный прокурор, достал из портфеля судебскую киянку, сдвинул скатерть, оголил стол и вдарил по дереву. Получилось звонко и неожиданно, и зал стих перед лицом главного ударного инструмента советской Фемиды.

– Слово имеет военком! – объявил прокурор. Тот вскочил, как пружина, наклонился вперед всем корпусом тела – только сабли в руке не хватало – и закричал, как в рупор:

– Прекратите эти бессмысленные протесты! Сопrotивление бесполезно! Границы полигона расширены на тридцать километров! Ваши угодья уже сегодня, уже сейчас являются частью полигона! Поэтому уже сегодня, уже сейчас получается, что вы все находитесь на этой территории незаконно и обязаны ее покинуть! Но вам для этого дается время! И будут выделены армейские подразделения для оказания помощи в эвакуации, то есть, я хотел сказать – в переселении на новое место жительства! Поэтому еще раз повторяю! Спокойно! По графику, исполнение которого поручено исполнять мне лично! Будете приходить в вашу бывшую контору, где я буду с завтрашнего дня ежедневно находиться с восьми-ноль-ноль до девятнадцати-ноль-ноль! Там будет на стене висеть график! И будем осуществлять переселение! Все! И еще раз повторяю. Протесты к рассмотрению не принимаются! Сопrotивление бессмысленно!...

«... Вы окружены! Всем выходить с поднятыми руками. По одному!...»

– ...Это кто крикнул? Это кто только что крикнул про окружение, я вас спрашиваю? – выскочил военком на край сцены, вглядываясь в зал. Он был страшен. Его испугался бы в этот миг сам Александр Васильевич Суворов, который не боялся даже турок. Испугался и народ. Но молчал.

– Что, молчите, граждане?... Так, ладно, после разберемся, никуда вы не денетесь... А теперь идите собираться. Эвакуация, то есть переселение начинается завтра, – военком одернул гимнастерку и шагнул в сторону выхода. Делегация начальства потянулась за ним. Снаружи загудели моторы, и власть отбыла.

Все повернулись к Рукавишникову: «Иван Иванович, как же так? Чего молчишь? Чего ты им не возражаешь?».

Рукавишников впервые в жизни стоял перед своими людьми растерянный и разводил руками: «Вот так вот, люди хорошие, вот такие вот дела... Конечно, что сказать... Дальше жить в этой радиации нам нельзя – тут как ни крути... сколько людей уже умерло, дети будут умирать дальше... нельзя этого допустить. Так что решение о переносе хозяйства – правильное. Надо переезжать. Хотя и тяжело. Мне тоже тяжело. Вся жизнь тут... Ничего не поделаешь. Такое нам с вами «везенье» выпало. Зато Родина – с надежным щитом над головой, и мы как бы помогли этот щит создавать, землю свою предоставили для этого, солдат кормили. Да нечего тут философствовать... что случилось – то случилось. И решение правительства – правильное. Пошли собираться...».

После этого все пришло в брожение. Одни укоряли Рукавишникова за его «пасхальные фокусы», другие кричали, что никуда не поедут, третьи плакали, кто-то составлял письмо лично Хрущеву, иные призывали идти немедленно и спалить контору, чтоб негде было военному сидеть с его графиком. Некоторые, опять же, уговаривали друг друга опомниться и не кипятиться. Более здравые умом люди сидели и гадали, как же это будут их дома перетаскивать, ужасаясь, что в пути все попадает и ломается. Многие предрекали, что на новом месте будет еще хуже, чем здесь. Причем просто так предрекали, из элементарного опыта жизни.

Иные пессимисты, однако же, злорадно возражали: «А что на новом месте? Подумаешь – на новом месте! Хуже там все равно не будет! Хуже бывает только в аду!». Но то – пессимисты... тем и в раю – ад, так что их никто не слушал. Основная масса глубоко и безутешно горевала. И лишь один тонкий голос воспел над толпой:

– Да кончайте вы вопить, люди хорошие! Детей же наших спасаем, которые еще живы! Тут же – погибель сплошная – неужто не понимаете? – то была молодая колхозница Анна Шигамбаева – мать девочки, умершей от радиации. У нее оставалась еще одна дочка десяти лет.

Этот крик как-то разом угомонил всеобщую ярость. Зал вообще стих вдруг, и кто-то спросил глуповато:

– Дак и шо теперь?

– «Дак шо», – передразнил кто-то другой. Дак отвальную праздновать! – а што нам еще остается?

– Пра-а-вильна! Бабушка! Матрена Пантелеевна! Янычариха! – мать твою через полено... выкатывай запасы давай! Народ гулять будет! Поминки будем справлять по колхозу «Степное»...

И двадцать добровольцев, а то и больше, двинулись вместе с Янычарихой к ней домой, чтобы притащить в клуб все стратегические запасы великой мастерицы и достойно встретить грядущие испытания, всем вместе, одной большой семьей в этот воистину апокалипсический час, пробивший для жителей «Степного».

Через полчаса возбужденная процессия, похожая на крестный ход, во главе с колхозной бабушкой-умелицей Янычарихой, широко размахивающей половником, как кадиллом, прикатила в клуб тележку с двумя сорокалитровыми молочными флягами. Сюда же, в клуб, стекалась уже со всех дворов еда из амбаров, и гармошка была уже тут, и гармонист уже голосил свежее испеченную частушку: «Тот глушениый, тот хромоый, расселяется «Степной»! Принимает Павлодар первый ядерный удар!».

И разлилась массовая пьянка – то ли отвальная, то ли поминальная, которая, достигнув невиданного и неслыханного накала страстей – слезных, злобных, отчаянных – всяких попеременно – шумела до самого утра. Это был праздник, посвященный концу света, который на самом деле давно уже начался, если кто-то не заметил случайно...

Когда на следующее утро подполковник Лузиков Николай Николаевич – районный военком – заступил на обещанное дежурство, он решил, что над поселком ночью и впрямь взорвалась та самая внеплановая атомная бомба, по поводу которой накануне так усиленно пресекались глупые слухи. Дома в «Степном» стояли, правда, на своих местах, но вот люди – нет, никто не стоял. Все лежали. Лишь некоторые все еще ползали по кругу с кружками, что-то нашаривая перед собой, и натыкались на тех, кто ползти уже не мог.

Переселение пришлось отложить поэтому на два дня, потому что невозможно было определить кто есть кто на этом поле мертвых – настолько похожи были друг на друга все эти опухшие рожи – что русских, что казахов, что «смешанных национальностей» – как бы выразился Серпушонок, будь он жив. А ведь Серпушонок наверняка с величайшей завистью наблюдал сейчас с небес за

происходящим в его родном селе и проклинал подлую змею, лишившую его этого коллективного и что самое главное – бесплатного удовольствия.

Зато потом дело пошло быстро. Никакие дома и сараи, конечно же, никуда не переносились. Домашний скарб и скотина загружались солдатами в военные грузовики, хозяева – в кабину или наверх, под брезент – и адью, родное «Степное». На новом месте переселенцев сразу же вселяли в новые щитовые, так называемые «финские», засыпные домики, специально для них уже собранные там на скорую руку все теми же вездесущими солдатами. Сработаны дома были тяп-ляп, конечно, но разве в этом дело? Люди были просто потрясены великодушием и щедростью родины! Да, у них все отобрали, как обычно – и коня, и полати. Но на этот раз им – впервые! – что-то дали взамен! И не просто что-то. Настоящие дома дали! «Все для блага человека!» – этот прекрасный лозунг полоскался белыми буквами на красных полотнищах (и наоборот) по всем городам и селам. Не все этому верили, шутили «...и человека этого мы все тоже знаем...», а зря смеялись. Еще придут времена, и очень скоро, когда лозунги эти исчезнут со стен домов культуры вместе со смыслом, в них заложенным, и даже сама постановка вопроса о благе человека будет звучать курьезно, аки старославянские буки-веди...

«Где, в какой другой стране мира заботятся о своих трудящихся лучше, чем в Советском Союзе?» – этим истерично радостным вопросом партийные власти приветствовали переселенцев на новом месте, в совхозном Доме культуры, украшенном по этому случаю лентами, плакатами и гирляндами, и переселенцы с глазами, полными слез, громко аплодировали выступающим... Никто из них не знал – в какой стране заботятся лучше, потому что ни один из них в другой стране мира отродясь не бывал. Разве что бывший кладовщик «Степного», который закончил войну на территории Польши, но и там о нем заботились после ранения из рук вон плохо, так что он был полностью согласен с оратором: нигде не лучше! И тоже плакал.